

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТ **«АКТИОН»** Право

АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

для юристов

№9

СЕНТЯБРЬ '2019

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: e.arbitr-praktika.ru

“

**Государство
не должно
экономить
на правосудии**

Юлий Тай
→ 88

16

**Встречный иск.
Когда суд примет его
к производству**

30

**Взыскание убытков
с директора: судебная
практика за 2019 год**

64

**Спор о привлечении
лица к субсидиарной
ответственности.
Как суды применяют
редакции закона**

САЙТ ЖУРНАЛА: arbitr-praktika.ru

НОВОСТИ

- 6 ПРЕЦЕДЕНТ МЕСЯЦА
- 8 ОБЗОР АРБИТРАЖНЫХ СПОРОВ

ПРОЦЕСС

ГЛАВНАЯ ТЕМА

- 16 **Встречный иск. Когда суд примет его к производству**

А. Набережный

Подача встречного иска позволяет рассмотреть в одном деле все претензии сторон друг к другу. Однако суды отказывают в его принятии, поскольку это усложняет процесс. Какие аргументы привести суду, чтобы он рассмотрел встречный иск, — в статье.

ПОЗИЦИЯ

- 26 **Суд принял решение в упрощенном порядке. Как обжаловать судебный акт**

А. Григорьева

БИЗНЕС

КОРПОРАТИВНЫЕ СПОРЫ

- 30 **Взыскание убытков с директора: судебная практика за 2019 год**

К. Коршунов

- 36 **Продажа бизнеса под условием: предварительный договор VS обязательственная сделка**

Г. Базурин

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ СПОРЫ

- 44 **Репутационный вред: как добиться максимальной компенсации**

Н. Руденко

- 50 **Плата и штраф за отказ от договора: как их разграничивают суды**

Р. Милованов

- 56 **Заказчик не оплачивает дополнительные работы. Как действовать подрядчику**

А. Рябинин, Е. Коновалов

БАНКРОТСТВО

- 64 **Спор о привлечении лица к субсидиарной ответственности. Как суды применяют редакции закона**

Н. Покрышкин, Д. Глоов

- 70 **Номинальный руководитель: когда суд освободит его от ответственности**

А. Набережный

- 80 **Вознаграждение арбитражного управляющего: когда его можно повысить или снизить**

А. Шпаков



Несвоевременную подачу встречного иска суд расценит как злоупотребление правом

Подробности — в главной теме номера → 16

ИНТЕРВЬЮ

Юлий Валерьевич Тай, управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус», к. ю. н., о перспективах процессуальной реформы, зарплатах судей и жалобах в Конституционный суд → 88



МНЕНИЕ

ИНТЕРВЬЮ

- 88 **«Государство не должно экономить на правосудии»**

Ю. Тай

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

- 100 **Прокуратура оспорила вознаграждение адвокатов. Вернуть оплату удалось через ЕСПЧ**

А. Пауль, С. Бородин

КРИТИКА

- 106 **Малозначительность нарушения. Аргументы, которые работают на практике**

С. Слесарев

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЛОСА

- 112 **Закон XVII века в судебном акте 2013 года**

«Государство не должно экономить на правосудии»

О перспективах процессуальной реформы, зарплатах судей и жалобах в Конституционный суд рассказал **Юлий Валерьевич Тай**, управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус», к. ю. н.

— Юлий, спасибо большое, что согласились дать интервью нашему журналу. Наш первый вопрос — процессуальная реформа. Кто-то воспринимает ее позитивно, кто-то видит в изменениях только негатив. Как Вы относитесь к процессуальной реформе?

— На мой взгляд, она крайне недооценивается. При этом надо отдавать себе отчет в том, что это не столько процессуальная, сколько судоустройственная реформа. Она может глобально изменить всю систему. «То, о чем так долго говорили большевики, наконец свершилось». У нас наконец-то появились суды общей юрисдикции, которые территориально находятся вне субъекта Федерации. И на самом деле эпохальность этих изменений и их историческое значение пока явно недооценены и не поняты. Между тем это событие сопоставимо, наверное, только с появлением апелляции и кассации в арбитражных судах соответственно в 1995 и 2004 годах. Все 146 млн граждан страны оказываются вовлечены в эту реформу, потому что ни один человек не может исключить того, что станет участником какого-то разбирательства в суде общей юрисдикции. Начиная с вопросов определения порядка общения с детьми разведенных супругов, наследования, защиты прав потребителей и заканчивая глобальными вопросами политических, избирательных прав и т. д.



Беседовал
Андрей Набережный,
главный редактор
журнала «Арбитражная
практика для юристов»

— Почему выделение судов вне субъекта важно?

— В настоящее время суды общей юрисдикции устроены таким образом, что дела формально проходят через три инстанции. При этом все три находятся внутри субъекта Федерации. Однако кассационная инстанция является фантазийной, почти иллюзорной. Соответственно, для большинства категорий споров это



инстанция в режиме «оставь надежду, всяк сюда входящий». Если спор существенно значим для субъекта Федерации, касается какого-то мусорного полигона, политики, экологии, имеет большой общественный резонанс, то результат будет предсказуемо отрицательный. Ведь судьи тоже живут в данном регионе, на них оказывается давление — не обязательно прямое, в виде конкретных просьб или приказов, а в форме перманентного социального давления. Есть сложившиеся предубеждения в субъектах Федерации по поводу определенных тем. Поэтому появление судов вне субъектов создает истинный, высокий уровень независимости, повышает шансы на законное и справедливое рассмотрение дела.

— И увеличивает вероятность успешного обжалования судебного акта, вынесенного в другом регионе.

— Это вторая составляющая. Впервые в современной истории России мы пришли к появлению трех полноценных ординарных инстанций, которые работают через систему не поточной, а фидерной кассации. Теперь же на 100 жалоб будет 100 рассмотрений по существу, причем судом, находящимся территориально очень далеко от места правового конфликта. Следовательно, повышается вероятность вынесения справедливого и законного решения независимым и беспристрастным судом.

— В чем еще Вы видите плюсы реформы?

— Наиважнейшая вещь: у нас может появиться истинное единообразие. В практическом плане мы понимаем, что называется: «царь далеко, Бог высоко». Сейчас можно констатировать наличие у нас воронежского, краснодарского, красноярского, ставропольского, дальневосточного пра-

восудий. Сколько судов, столько разных мнений по любому вопросу.

Это приводит к тому, что истинного единообразия Верховный суд при более чем 20 млн дел достичь не может просто по определению. Кристаллизация правовых позиций должна происходить на более низком уровне, в данном случае — на уровне кассационной инстанции. Это повышает вероятность того, что практика будет единообразна хотя бы внутри этого округа. Одно дело — обобщать практику в 85 субъектах Федерации, другое — на уровне 9 кассационных судов. Верховному суду будет проще, и кассационные суды смогут следить друг за другом, заимствовать какие-то позиции.

— Вы рисуете идеальную модель. Но ведь мы же понимаем, что на практике это будет работать немного иначе.

— Все, о чем я говорю, — это, конечно, в некотором смысле правовой футуризм, рассуждения в стиле «сферический конь в вакууме». Понимаю, что такие негативные составляющие, как административное давление, факты коррупции, отсутствие независимости, предубежденность и прочее, не могут быть полностью преодолены реформой.

Многие недостатки системы сохранятся, ведь те судьи, которых сейчас набирают в кассационные суды, не присланы к нам с Нептуна, Сатурна или Марса. Почти все претенденты и уже назначенные судьи — жители нашей страны и, более того, действующие судьи. Понятно, что некоторые «родовые травмы», недостатки, предубежденность, плохие привычки и традиции они привнесут в новые суды. Но у меня есть надежда, что появление новых судов породит новые правовые позиции, повысит уровень независимости, качество отправления правосудия, эффективность касса-

ционного пересмотра, приведет к большему единообразию практики, а может, даже улучшит качество текстов судебных актов. Ведь судей набирают из разных регионов, а это может привести к плюрализму мнений, правовой дискуссии, которая способна породить и выкристаллизовать истину.

— Суды кассационных инстанций созданы в девяти округах. Как Вы считаете, такого количества достаточно?

— Вы знаете, рассуждение о количестве судов сопоставимо с гоголевским спором двух мужиков: а докатится ли колесо только до Москвы или при таком хорошем раскладе и до Казани доедет? Это вещь такая умозрительная. Я понимаю, чем продиктован Ваш вопрос; уверен, что и авторы реформы долго думали над оптимальной моделью.

Можно было сделать, например, 20 округов для функционального удобства, чтобы спорящим сторонам было проще и быстрее добраться до суда. Страна у нас огромная: если взять Сибирский округ, то по территории он реально составляет два Европейских континента. Но, с другой стороны, чем больше округов, тем сильнее понижается вероятность достижения единообразия правоприменения. Поэтому здесь нужно понимать, что лучшее — враг хорошего. Идеальной модели просто нет. И только жизнь покажет, насколько количество округов отвечает имеющимся задачам и интересам граждан.

— Критика количества округов как раз сводится к лишению граждан права на правосудие. Из некоторых населенных пунктов до суда очень сложно будет добраться.

— Это действительно может стать некой проблемой, но, мне кажется, несколько искусственной и надуманной. Пото-

му что, как писал Рудольф фон Йеринг, «в борьбе обрешь ты право свое». На что ты готов в этом крестовом походе за справедливость?

Никто не говорил, что правосудие должно быть легким и доступным в примитивном смысле слова, особенно когда речь идет о кассационном обжаловании. Ведь эти суды уже не для мелочной перепроверки фактов и обстоятельств, они для формирования судебной практики и правовых позиций. Недаром же в большинстве правовых порядков существуют даже повышенные требования к уровню представителей, поскольку каждое решение — это не столько каузальное применение права, сколько «за себя и за того парня».

Для того чтобы сформулировать какие-то важные правовые позиции, надо потратить много времени, сил, нервов, средств и много чего еще для отстаивания своих прав. Тут уж каждый решает сам. Я не хочу, чтобы это прозвучало цинично, будто мне безразличны интересы населения страны, но правда заключается в том, что нельзя привести кассационный суд в каждый дом. Такой популистский призыв контрпродуктивен. Пусть дел не так много, но зато каждый судебный акт кассации превентивно защищает граждан и судей от ошибок и неверных трактовок в тысячах и миллионах подобных дел в нижестоящих судах.

— Посмотрим, как этот механизм заработка. Только тогда можно будет сделать какие-то выводы.

— Знаете, я верю в институт контроля регулирующего воздействия. Считаю, что, вводя любые законы, надо в последующем проверять, как они работают. И дорабатывать их, «докручивать», если появляется проблема. Если проверка покажет, что люди из отдаленных населенных пунктов

не обращаются в кассационные инстанции из-за территориальной отдаленности и тем самым нарушаются их права, то можно будет создать дисциплинарные присутствия, как это сделано в Канаде, Австралии. Пока количество округов я считаю если не оптимальным, то нормальным, достаточным.

— В первоначальной версии закона была идея о том, чтобы округ не находился ни на одной из тех территорий, чьи споры он рассматривает. Как Вы к ней относитесь?

— Это единственное, что не было доведено до конца. От этой идеи отказались, ссылаясь просто на функциональное неудобство, трудности в поиске судей и клерков.

Убежден, что экономить на судебной системе — это последнее дело. Любые разговоры о завышенной стоимости правосудия смехотворны и несерьезны. Все, что мы тратим на любые другие направления, кроме образования и здравоохранения, не может являться бóльшим приоритетом, чем функционирование судебной системы. Дешевая судебная система — это самое плохое, что может сделать государство.

Но инвестировать средства нужно не столько в здания, автомобили, оргтехнику, сколько в людей и в создание оптимальных технологий и алгоритмов функционирования суда. Я считаю, что любые спекуляции на тему «Это будет слишком дорого» или «Можем ли мы себе это позволить?» не выдерживают вообще никакой критики и просто не должны всерьез обсуждаться.

— На что именно Вы бы потратили деньги?

— На людей: судей, аппарат суда, их образование и социальную обеспеченность.

— Стали бы увеличивать количество сотрудников?

— Нет, это экстенсивный путь развития, а нужен интенсивный. Мы должны создать ситуацию, когда клерки будут работать в суде не по модели «от студента до судейской мантии». Такой трек-рекорд, на мой взгляд, абсолютно неправилен. Бóльшая часть клерков должна оставаться в таком статусе всю свою профессиональную жизнь. Я не хочу сказать, что помощникам судей дорога к судейской должности должна быть категорически заказана, но убежден, что только незначительная их часть, самая талантливая и способная, должна пополнять ряды судей.

Сейчас модель, когда 60 процентов судей назначаются из бывших помощников и специалистов, точно не является оптимальной. Какое-то количество судей должно вырастать в системе, но подавляющее большинство сотрудников суда должны работать на позициях специалистов, секретарей и помощников десятилетиями.

— В чем смысл такой системы?

— Люди приходят на десятки лет, работают, повышая уровень своих профессиональных качеств, умений, навыков, сохраняя свой статус профессионального клерка. Профессиональный секретарь судебного заседания, профессиональный помощник судьи и все, кто занимает другие подобные позиции, должны зарабаты-

“

Зарплаты судей должны быть не просто достойными, а выше среднего



тывать достойные деньги и не стесняться своей работы, а гордиться ей. И тогда качество правосудия, в том числе даже тайм-менеджмент, технологический процесс документооборота, делопроизводства и многие другие, казалось бы, чисто технические вопросы, будут совершенно на другом уровне. А это такие мелочи, из которых рождается результат.

Люди должны получать достойные зарплаты, даже выполняя технические функции. Ведь, строго говоря, в суде вообще нет ничего чисто технического, механического, кроме открывания дверей и охраны здания. Все остальное, на самом деле, сущностное — в том смысле, что от него зависит качество правосудия.

Очевидно, что в любой профессии, любом ремесле десятилетия практической деятельности, наработки навыков дают профессиональный рост и максимальную эффективность в работе. Большое количество повторений любой манипуляции при-

водит к повышению качества того, как вы ее выполняете.

— **А что бы Вы сделали для судей?**

— Ну, прежде всего я бы не экономил на них средства. Зарплаты должны быть не просто достойными, а выше среднего. Это почетная, сложная, нервная, ответственная работа, и во многом неблагодарная. Поэтому судьи имеют право зарабатывать достаточно много. Я не говорю про какую-то несусветную роскошь — понятно, что деньги сами по себе не добавляют ни ума, ни совести, ни трудолюбия, — но думать о хлебе насущном судьи точно не должны.

Еще я бы не экономил деньги на постоянном повышении квалификации и источниках знаний и информации: сведения из правовых систем и любая другая информация должны просто изливаться на судей и аппарат суда в том объеме, в котором они готовы все это переварить.

Судьи не должны быть ограничены во времени, в информации и должны иметь все необходимое для своей работы. Я помню времена, когда судьи чуть ли не выпрашивали чистую бумагу у сторон, чтобы было на чем распечатать, или картриджи для принтеров. Сейчас эту ужасную стадию давно прошли, но тем не менее какие-то проблемы, недостатки существования судебной системы в настоящий момент есть.

— В 2013 году я работал в арбитражном суде. Там было правило: пачка бумаги в неделю. Поэтому нам приходилось занимать бумагу у коллег. Потом поштучно возвращали.

— Эта ситуация недопустима. Суды должны быть полностью обеспечены всем необходимым. Это, конечно, не снимает вопрос оптимизации, контроля, чтобы не было как в советское время — «на работе ты не гость, укради хотя бы гвоздь», когда сумками таскали бумагу, степлеры, скрепки. Во-первых, должны быть такого уровня люди, которым это даже не придет в голову. Во-вторых, у них по экономиче-

ским соображениям не должно быть желания что-либо забирать. Само наличие у судьи мысли об отсутствии бумаги означает, что процесс отправления правосудия устроен неоптимально. Судья на рабочем месте должен думать только о правосудии.

— Недостаток денег тоже отвлекает от правосудия.

— Работа судьи также связана и с деньгами, бесспорно. Потому что если ты зарабатываешь сейчас, например, 300 тыс. руб. как юрист и тебе предлагают судебскую работу, то ты подумаешь, а стоит ли. Ну как предлагают — пока никому даже не предлагают. Но вдруг завтра меня услышат люди из высших сфер государства.

Если уровень дохода не будет соответствовать уровню ответственности и поставленным задачам, то будет трудно пополнить систему достойными и уважающими себя профессионалами. Хотя, разумеется, я отдаю себе отчет в том, что судьями ни в одной стране мира не становятся для того, чтобы разбогатеть. Поэтому, конечно, должны быть созданы и практи-



Юлий Тай

В 2001 году окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 2005 году защитил кандидатскую диссертацию на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

С 2001 года — управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус».

С 2011 по 2017 год являлся третейским судьей Третейского суда «Газпром».

Член правления Международного союза (содружества) адвокатов. Член совета директоров компании «Хоум кредит энд финанс банк». Арбитр Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража. Член Ассоциации антимонопольных экспертов.

Доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО. Преподаватель-тренер в НИУ ВШЭ. Лектор Юридического института «М-Логос». Член редакционного совета журнала «Вестник гражданского процесса», член попечительского совета Russian Law Journal (RLJ).

Автор 14 монографий (в соавторстве) и 71 научной статьи.

чески работать все иные — социальные, политические и прочие — гарантии независимости судей и их защищенности. Вот только тогда у нас будут шансы на качественное улучшение судейского корпуса.

— У чиновников уже выстроена система, когда во власть идут люди материально обеспеченные.

— Согласитесь, это скорее исключение. Также, когда успешный предприниматель становится чиновником, многие подозревают в этом некий коррупционный мотив и незаконные цели. Для меня это, наоборот, показатель того, что человек, исходя из пирамиды Маслоу, достиг такого материального уровня, когда ему уже неинтересно заниматься чем-то таким тактическим, техническим, рутинным, просто зарабатывать деньги, — такой человек желает решать стратегические вопросы высокого уровня, ставить перед собой задачи планетарного масштаба, на уровне целого региона или даже страны. Я верю, что именно такие люди способны изменить и сдвинуть, в хорошем смысле слова, ситуацию в стране.

— Почему таких людей нет в судейском корпусе?

— Помните исследование Института проблем правоприменения? Там собрали 950 характеристик судей, которые представляются претендентами при назначении, и посмотрели, какие качества и способности номинантов выделяются. Сотни раз употребляются слова «дисциплинированность», «работоспособность», «бесконфликтность» (как будто мы солдат набираем), а такие категории, как независимость, креативность, способность отстаивать свою точку зрения, справедливость, практически не встречаются. Это

ярко демонстрирует, кого система в настоящий момент хочет видеть в статусе судьи.

— Если бы Вам предложили стать судьей, согласились бы?

— В настоящий момент нет.

— Почему?

— Потому что я видел опыт коллег. Знаете, как говорится, мудрость — это не когда ты не допускаешь ошибок, а когда ты учишься на своих, а лучше на чужих ошибках. Я видел много безрезультатных и болезненных попыток моих внесистемных коллег. Они каким-то чудом попадали в судебную систему, но в 100 процентах случаев она их выплюнула. Да, именно пережевала и выплюнула. С огромными потерями и страданиями для системы и для этих лиц, потому что «нельзя жить в обществе и не зависеть от общества».

Понятно, что мне можно задать резонный вопрос: «Вот Вы призываете, а что же сами не идете?». Но на этот упрек есть очень четкий ответ. Для того чтобы что-то системно изменить, необходим широкий призыв, рекрутинг значительного количества судей новой формации. Я верю, что если хотя бы на 10 процентов единоразово пополнить судейский корпус людьми компетентными, профессиональными, умными, трудолюбивыми, независимыми, решительными, то эти люди могли бы в том числе и своим примером переубедить многих уже работающих судей и переформатировать их деятельность. И все бы изменилось.

— Не так давно Вы опубликовали пост, в котором рассказали о подаче жалобы в Конституционный суд на фильм «Смерть Сталина». Вы верите в конституционное правосудие в нашей стране?

— Лично я верю, но, как показывают множество комментариев, большая часть

наших коллег не верит. Я разделяю точку зрения, что часто Конституционный суд пытается уходить от ответа на очень сложные и болезненные вопросы права, не берется за такие дела. Благо система конституционного судопроизводства легко позволяет это сделать. В этой связи я не считаю функционирование Конституционного суда оптимальным. Он дистанцируется от решения многих проблем и ответа на вопросы, которые перед ним поставлены.

Но между тем Конституционный суд включает в себя профессионалов и компетентных людей высочайшего уровня, их правовой вес настолько велик, что они порой могут выносить исторические, эпохальные постановления, которые много что глобально меняют в нашей правовой действительности.

— **Постоянно следите за позициями Конституционного суда?**

— Могу уверенно сказать, что за все время существования Конституционного суда не было ни одного постановления, которое я бы не прочел. Причем читаю их с карандашиком, подчеркивая, выделяя главное. Особенно люблю особые мнения судей. В последующем пытаюсь имплементировать правовые позиции Конституционного суда в акты обычных судов через свои процессуальные документы. Но, честно говоря, я хотел бы, чтобы судьи брались за больные, более проблемные и судьбоносные для страны темы. Этого не хватает.

— **Они не хотят браться или не могут?**

— Я не верю, что есть кто-то или что-то в нашей стране, кто может запретить — в прямом смысле слова — судьям Конституционного суда высказываться так, как они желают. Но, опять же, все мы люди. Они тоже живут не в вакууме, они являют-

ся высшей судебной властью, а это означает, что они возвращаются в верхах в прямом смысле слова; более того, являются частью высшей власти страны. На них тоже оказывается какое-то воздействие, у них тоже возникают свои предубеждения и aberrации сознания и восприятия. Их социальные связи и контакты неизбежно делают их осторожными и консервативными, к сожалению. В настоящее время путь Конституционного суда — это путь умолчания и уклонения.

— **Ваша жалоба в Конституционный суд — это разовая акция? Или попытка борьбы с любыми проявлениями цензуры в нашей стране?**

— Давайте так: я действую в этом деле как адвокат. И решаю прежде всего локальную проблему моего доверителя. Но я понимаю, что ни одно обращение в Конституционный суд не может носить настолько частный, каузальный характер, поскольку его правовая позиция окажет воздействие как минимум на всю кинематографическую отрасль.

При этом лично я являюсь принципиальным и убежденным противником цензуры. Я за плюрализм мнений и за необходимость наличия у гражданина права высказывать свою точку зрения. Помните фразу Вольтера, которую, как считают специалисты, он никогда не говорил: «Я не согласен ни с одним Вашим словом, но я готов умереть в борьбе за то, чтобы Вы имели право высказать Вашу точку зрения»? Так и здесь.

Нужно дать людям возможность самим решить, нравится им художественное высказывание или нет. Пусть совершеннолетние граждане голосуют рублем, ногами, глазами — чем пожелают. Сама мысль о том, что есть какой-то мудрый человек или группа лиц, которые будут

«защищать» меня от плохого искусства, книг, фильмов и чего бы то ни было, не кажется мне разумной и допустимой. Я предпочел бы решать эти вопросы самостоятельно. Защита детских неокрепших умов — это другая история, тут нужны меры безопасности.

— **Как Вы сказали в одном интервью, каждому необходима внутренняя цензура.**

— Да, внутренняя цензура очень важна. Видите, как все в жизни тесно переплетено. Мы говорили про судей Конституционного суда, и вот там как раз повышенный уровень самоцензурирования. Он плох, потому что это судьи Конституционного суда.

А когда рядовые граждане себя качественно самоцензурируют, это, наоборот, очень хорошо. Я считаю, что каждый человек должен сам осуществлять функцию самоконтроля, взвешивая все на внутренних весах морали, этики, правил общения, своего культурного уровня. Потому что единомыслие всегда приводит к скукоживанию, усыханию мыслительного процесса. Я абсолютно уверен, что дефицит информации и альтернативных точек зрения приводит к тугодумию, глупости, невежеству, ограниченности и темноте. А наличие знаний, мнений, суждений делает человека умнее, гибче и развивает когнитивные способности.

— **В то же время сейчас у нас наметилась некая тенденция: закон против неуважения к власти, борьба с фейковыми новостями. Получается, что государство идет по пути постепенного ограничения. Так же произошло с фильмом «Смерть Сталина».**

— Вы знаете, все это звенья одной цепи. Полагаю, что тут надо избегать излишней

эмоциональности и экзальтации. Вот, например, ввели какие-то ограничения, запреты — какая первая реакция у любого человека? «Так нельзя! Сатрапы, душеители свобод нас сковывают, ограничивают!» Но тут каждый раз надо рассудочно и детально разбираться. Ведь в обществе все сложно и противоречиво: одному хорошо, а другому от этого же плохо стало.

Я убежден, что, возможно, и допустимы разумные ограничения и запреты. Нужно, наверное, бороться с фейковыми новостями. Другое дело — как мы это делаем. Государство не должно уподобляться слону в посудной лавке, когда, желая спасти какую-то абсолютно мизерную для демократического государства ценность, мы разрушаем целые поля. Кстати, Конституционный суд, мне кажется, уже устал говорить о необходимости соразмерности достигаемой законной цели избираемым государством средствам.

— **А как это работает у нас?**

— Можно сказать как в исторической шутке: «утром в газете, вечером в куплете». Только у нас наоборот. Происходит социальный взрыв, и тут же появляется мгновенная реакция законодательной власти, причем очень непродуманная, политиканская. Взорвалась шахта — запрещаем это, сгорел кинотеатр — не разрешаем то. По факту выходит какой-то тришкин кафтан: берем материал с воротника, чтобы заштопать дырку на рукаве, а потом, чтобы починить воротник, берем материю со спины. И так с каждой манипуляцией все хуже и хуже становится. Проблема не в том, что мы вводим ограничения и запреты, а в том, как мы это делаем.

— **По поводу критики власти есть интересная позиция ЕСПЧ. Представители власти могут подвергаться большей**

критике, чем обычные граждане. ЕСПЧ высказался о том, что, поскольку вы приобретаете определенный статус, вы должны быть к этому готовы. Получается, у нас сейчас есть развилка. ЕСПЧ говорит одно, а законодатель пытается эту сферу ограничить. Как Вы оцениваете эту ситуацию?

— Я не хотел бы верить в истинность утверждения о том, что позиции ЕСПЧ для нас сейчас не имеют значения. Но тут считаю, что определенная девальвация их правовых позиций, конечно, произошла, но пока, к счастью, она не носит катастрофического характера.

Позиция ЕСПЧ правильная, и вовсе не потому, что это сказал ЕСПЧ, а потому, что верны мотивы, которыми руководствовались судьи. Это относится ко всем: политикам, оппозиционерам, селебрити, спортсменам, творцам и т. д. Они все под особым контролем и вниманием общества, людям интересна их жизнь и работа, население туда вмешивается, все хотят о них знать и имеют на это право. Если ты сам сообщаем о себе какие-то данные, популяризируешь себя, находишься на виду, оказываешь влияние на людей, на их мнения и решения, то ты не должен огорчаться из-за того, что обыватели хотят узнать о тебе еще что-то. Это нормально, это логично, это последовательно.

— А как же границы личной жизни?

— Это не означает, что нет никаких границ их приватной жизни. Но то, что эти границы достаточно широки, — непреложная истина. И самое худшее, что может произойти, — это введение так называемого замораживающего эффекта, когда, как бы защищая приватность их жизни, мы добьемся их непогрешимости, иммунитета от критики и нелицеприятных

оценок. Нет ничего более ужасного, чем человек, наделенный властью и при этом полностью огражденный от критики.

Как, опять же, говорил один известный человек: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Вообще, я считаю, что, когда мы обращаемся к вопросу скандализации чиновников, правосудия и критики судейского корпуса, критика не только допустима и возможна — она является абсолютно неизбежной и чрезвычайно полезной частью их работы. Огромная власть всегда должна иметь противовес в виде критики и общественного контроля.

— От критики в адрес судов и чиновников перейдем к критике Вашей личности. Есть две точки зрения. Кто-то считает, что Юлий Тай — это оратор от Бога, как сказал А. В. Егоров. Другие говорят, что Вы излишне красноречивы. И за этим красноречием не всегда можно разглядеть правовую позицию.

— Я хорошо отношусь к любой критике, в том числе к этой. Я полагаю, что те, кто это утверждает, скорее всего, не знают меня в профессии, не знают и не видят процессуальные документы, которые я пишу, степень проработки мной материалов, а судят по внешним признакам. Так, к счастью, не думают мои процессуальные оппоненты и коллеги-конкуренты. У нас же работа такая: мы можем дружить и при этом быть процессуальными оппонентами. Они так не считают, и они в курсе моих познаний.

Что касается красноречия, то всегда на лекциях, которые я читаю по теме ораторского искусства, отдельно обращаю внимание слушателей на то, что красота речи никогда не может заменить контент, то есть смысловое и фактурное наполнение выступления. Несколько тысяч

юристов, которые уже прослушали мои лекции, могут подтвердить, что я с этого начинаю.

— Полностью согласен с Вами. Сергей Пепеляев в интервью нашему журналу как-то сказал: «Каким бы говоруном ты ни был, без позиции ты не победишь».

— Краснобайство никогда ничего не может изменить — также нужно знать экономику вопроса, технологию, как это фактически происходит в общественных отношениях. Если ты занимаешься вопросами медицины, ты должен знать, как устроен технологически процесс оказания медицинской помощи, как вводятся инъекции, как выдерживается препарат и т.д.

Убежден, что между абстрактным (внутренним) знанием и умением донести необходимую информацию, а уж тем более убедить и переубедить слушателя есть дистанция огромного масштаба. И я порой критикую своих коллег за неспособность точно, емко, внятно, доступно доносить необходимые сведения до реципиента информации, то есть прежде всего до судьи. Есть люди, которые прекрасно знают предмет, право, но не могут объяснить это ни мне, ни судье, ни вообще кому бы то ни было.

— В одном из своих интервью Вы говорили о том, что работа должна приносить результат.

— Конечно, от нас доверители всегда ждут результатов, а не просто знаний. Для них это не игра в бисер, у них на кону деньги, доброе имя, иногда судьба предприятия или даже жизнь.

Я преподаю уже 15 лет. И некоторые студенты приходят на экзамен, пытаются безрезультатно что-то из себя выжать, а потом, когда они получают плохую оцен-

ку, начинается: «Вот я перенервничал, не смог сказать, вспомнить, но вообще-то я знаю». На это я им говорю: «Коллеги, это и есть репетиция настоящей жизни, ведь в суде точно так же. Ваши знания и готовность никого не интересуют, если вы не способны ко времени и к месту их продемонстрировать. Представьте себе, что я ваш доверитель. Вы все изучили, знаете, умеете, но пришли в процесс и опростоволосились. Это забыли, то высказали не так, тут не были достаточно эффективны, там не смогли подобрать слово. И проиграли. И что мне с вашей осведомленности?»

Хорошая подготовка к процессу имплицитно включает в себя содержательную готовность и осведомленность, это необходимое, однако недостаточное условие эффективности в судебном разбирательстве. Но когда за словами не видно смысла или он просто отсутствует, то это совсем плохо.

— Наш заключительный вопрос. Кем и где видит себя Юлий Тай через пять лет?

— Я вижу себя на нынешней позиции. Вы знаете, Константин Ильич Скловский написал прекрасную фразу: «Адвокат — это человек, который добровольно лишил себя всякого карьерного роста». У меня не может быть никакого карьерного роста. Я уже и так управляющий партнер адвокатского бюро.

Через пять лет я хотел бы быть адвокатом, практикующим в государстве, которое планомерно и необратимо движется в направлении истинного правового государства. В противном случае смысл моего существования в профессии будет уменьшаться, а постепенно и вовсе исчезнет. Я хочу, чтобы ценность нашей профессии возрастала вместе с правовой защищенностью наших сограждан ●